

Н.Г. ЗЯБЛЮК*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ В ДИСКУРСЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Основной задачей статьи является намерение автора проанализировать знаменитую в своём роде дискуссию о политическом плюрализме, потрясшую американскую политическую науку в 1920-е годы. Чем она оказалась знаменитой – это выяснилось лишь много лет спустя, когда полностью проявились её следствия. Подвергнув их анализу, исследователи нашли основания утверждать, что, во-первых, ставками в дискуссии были идентичность политической науки как науки о политике и сама природа американского либерализма, а во-вторых, что в процессе дискуссии сформировались источники американского плюрализма как парадигмы той же политической науки. Редакторы сборника статей о развитии этой науки отметили, что дебаты 1920-х годов, «в сущности, перевоплотились в споры между плюралистами 1950–1960-х годов и их критиками, а “дискурсивный остаток”» этих споров сохраняется и сегодня¹. Следовательно, дискуссия представляет не только чисто исторический интерес. Однако прежде чем приступить к изложению и анализу её содержания, необходимо в минимально достаточной степени разобраться в том, что привело к дискуссии, какие факторы вынудили тогдашних политологов «скрестить перья».

На пути к дискуссии

Американская политическая наука в своих основных чертах зарождалась и развивалась (особенно во второй половине XIX века) на базе европейской, в первую очередь немецкой правовой и политической мысли. Немецкий учёный Ф. Либер прибыл в США в 1827 г. и в качестве преподавателя и автора научных работ произвёл глубокое впечатление на американских политологов. Его сочинения о политической этике, гражданских свободах и проблемах самоуправления были первыми в США систематическими трактатами в сфере по-

---

* ЗЯБЛЮК Николай Гордеевич – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «США: власть и общество – уроки для России» № 06-03-02105а, 2006–2008

¹ Political Science in History. Research Programs and Political Traditions. Ed. by J. Farr, J. Dryzek, S. Leonard. Cambridge (Mass.), 2005, p. 10.

литической науки, имевшими широко распространённое влияние². За Либером последовала когорта американских политологов, многие из которых учились в немецких университетах, освоили там научные методы исследования, а также подверглись воздействию немецких идей. В списке наиболее видных фигур этой «новой школы» числятся Дж. Бэджис³, У. Виллоуби⁴, будущий президент США В. Вильсон⁵, Т. Вулси⁶, Ф. Гудноу⁷, А. Лоуэлл⁸.

В силу всего сказанного нет ничего удивительного в том, что предметом американской политической науки стал заимствованный из немецких политических трактатов концепт «государство». На первом общем собрании Американской ассоциации политической науки в 1904 г. её первый президент – профессор Ф. Гудноу заявил, что политическая наука – «это та наука, которая занимается исследованием организации, известной под названием “государство”»⁹. С указанным заимствованием довольно дружно согласились ведущие политологи того времени. Царило общее согласие в том, что политическая наука зарабатывает статус самостоятельной академической дисциплины посредством профессионального общения с комплексом институтов, объединяемых формулой «феномены государства».

Но как именно исследовались эти феномены? Американские специалисты чаще всего отмечают, что в последние десятилетия XIX и в начале XX столетия в их политической науке господствовал формально-юридический подход. В рамках данного подхода краткий ответ на поставленный вопрос можно представить условно состоящим из двух частей, каждая из которых располагает собственным отличительным признаком.

С одной стороны, политическая наука ориентировалась главным образом на изучение законодательно созданных структур. Правовые аспекты политических отношений, особенно аспекты, воплощённые в официальных конституциях, рассматривались как «адекватное руководство к пониманию практических реальностей политики»¹⁰. Иными словами, политология того времени существенно ограничила себя изучением формального устройства органов государственной власти.

Но, с другой стороны, и в рамках формально-юридического подхода государство исследовалось не только как системный набор эмпирически существовавших объектов; оно выступало и как идея, под флагом которой разрабатывались различные проблемы единства американского общества. Одно из утверждений, порождённое данной идеей и настойчиво повторявшееся в сочинениях многих мыслителей XIX века, заключалось в том, что *государство – это не правительство*. Например, по определению Бэджиса, «государство – это

---

² Lieber F. Political Ethics. Boston, 1838–1839; idem. Civil Liberty and Self-Government. Philadelphia, 1853.

³ Burgess J. Political Science and Comparative Constitutional Law. Boston, 1890.

⁴ Willoughby W. An Examination of the Nature of the State. N.Y., 1896.

⁵ Wilson W. The State. Elements of Historical and Practical Politics. Boston, 1889.

⁶ Woolsey Th. Political Science. N. Y., 1877.

⁷ Goodnow F. Politics and Administration. N.Y., 1900.

⁸ Lowell A. Essays on Government. Boston, 1892.

⁹ Цит. по: Zeigler L., Peak G. Interest Groups in American Society. 2nd ed. Englewood Cliffs (N.J.), 1972, p. 6.

¹⁰ Ibid., p. 68.

особая часть человечества, рассматриваемая как организованное целое», а правительство – это особенная форма организации, через которую государство действует. Виллоуби проводил различие на том основании, что государство, по его мнению, – «абстрактное понятие», в то время как правительство является «выразительно конкретным»¹¹. По обобщению современного американского политолога Дж. Ганнелла, государство характеризовалось как верховная, неделимая, божественная и всемогущая субстанция, а правительство квалифицировалось как институциональный агент с ограниченными функциями¹².

На рубеже столетий государство оставалось предметом этой науки, но, несмотря на сохранение его метафизической ауры, оно вступило на путь демистификации и трансформации в земной, прагматический институт управления в работах таких авторов, как Виллоуби и Вильсон. Политологи Прогрессивной эры рассматривали государство как инструмент проведения социальных реформ. А процесс демистификации усилился после начала Первой мировой войны, которая спровоцировала в США отрицательное восприятие немецкой философии и её трактовки государства, в какой-то мере был усмотрен источник авторитаризма и империалистической политики.

Устойчивое господство государства в роли указанного выше предмета явилось естественной причиной того, что с первых лет существования политической науки разнообразие политических и социальных явлений рассматривалось как патология в функционировании общественного организма. Однако даже те из политологов, которые продолжали искать в идее государства решение проблем единства нации, не могли не фиксировать то, что происходило в реальной действительности. А происходил обусловленный бурным развитием капиталистических отношений устойчивый рост политического разнообразия за счёт размножения и организационного оформления различных, притом политически активных групповых интересов. И хотя государство продолжало оставаться предметом политической науки, с первых лет XX века в работах и политологов, и социологов усиливается внимание к феномену заинтересованных групп как политической реальности. На этом фоне начали проявляться признаки противоречия, которое вскоре оформит свой дискуссионный потенциал в паре «государство – группа».

Действительно, к 1920-м годам плюралистические оценки применительно к реальной действительности стали настолько значимым явлением, что по крайней мере имплицитно это уже был вызов господствовавшей концепции государства, в связи с чем неизбежно заявила о себе проблема «выяснения отношений» самого плюрализма с политической наукой. Можно сказать, выяснение началось с того, что, как утверждает Дж. Ганнелл, «спасти “плюрализм”» и внести этот концепт в дискурс политической науки выпало на долю Гарольда Ласки. Главным образом именно в ответ на его (Ласки. – *Н.З.*) притязания и на идеи тех, кого он вовлекал в свои споры, возникла дискуссия о государстве и был «изобретён» плюрализм как теория либеральной демократии. К середине 1920-х годов эта концепция плюрализма и эта идиома плюралистической тео-

---

¹¹ См.: Merriam Ch. A History of American Political Theories. New York and London, 1968, pp. 326–328. (Впервые это сочинение было опубликовано в 1903 г.)

¹² Gunnell J. The Declination of the «State» and the Origins of American Pluralism. In: Political Science in History, p. 21.

рии стали широкоупотребительными, в то время как десятилетием ранее они фактически отсутствовали в литературе. Плюрализм рассматривался как «критическая политическая теория», направленная против «консервативной политической теории» «монистического государства»¹³.

Как видим, результат дискуссии можно признать весьма впечатляющим: была сконструирована плюралистическая теория демократии. Но прежде чем рассматривать пути движения к данной теории, нужно отметить следующее. Гарольд Ласки, спровоцировавший дискуссию – это ведущий представитель английского классического (как его потом станут называть) плюрализма начала XX века. Поэтому для лучшего понимания характера и итогов дискуссии, придётся сначала в общих чертах охарактеризовать этот британский вариант европейского плюрализма.

Английский классический плюрализм (начало XX века)

Английский автор С. Лэборд пишет: «Приблизительно между 1900 и 1925 гг. группа мыслителей – как во Франции, так и в Англии – тщательно разработала то, чему суждено было стать известным как политический плюрализм... Теории этих первых плюралистов сочетали в себе отрицание концепции государственного суверенитета с размышлениями о природе и политической значимости социальных групп (таких как церкви, профсоюзы)»¹⁴. Это не единственное утверждение подобного рода. «В течение короткого периода в первой четверти XX века в Англии процветал хорошо артикулированный концепт “политического плюрализма”», – пишет другой исследователь – С. Соломон¹⁵.

Если представить в алфавитном порядке только тех английских авторов, которых обычно относят к числу ведущих теоретиков плюрализма, то ряд будет выглядеть следующим образом: историк, экономист и социолог, теоретик гильдейского социализма Дж. Коул; социолог и политолог, деятель Лейбористской партии Великобритании, видный социалист Г. Ласки; политический философ А. Линдсей; историк права, юрист В. Мейтленд; историк, специалист по истории политической мысли Дж. Фиггис. Но первое место здесь, безусловно, занимает Ласки. Он удостоился многих хвалебных оценок, самые высокие из которых возносят его на трон основоположника – в формулировках типа «главный создатель современной плюралистической теории»¹⁶. К фигуре Ласки мы вернёмся позже, а пока кратко ответим на вопрос – каковы источники английского классического плюрализма и причины его зарождения, предопределившие обращение к этим источникам? В числе источников обычно называют и философский плюрализм У. Джеймса и Дж. Дьюи, и политические теории средних веков в истолковании немецкого юриста О. Гирке, и разработки политико-правовых проблем в сочинениях француза Л. Дюги, и папскую эн-

¹³ Ibid., p. 24.

¹⁴ Laborde C. The Concept of State in British and French Political Thought. – «Political Studies», 2000, vol. 48, No. 3, p. 543.

¹⁵ Solomon S. «Pluralism» in Political Science: The Odyssey of Concept. In: Pluralism in the Soviet Union. Essays in Honour of H. Gordon Skilling. Ed. by S. Solomon. London, 1983, p. 8.

¹⁶ Gunnell J. Op. cit., p. 34.

циклику Льва XIII¹⁷, и различные религиозные движения в Англии XIX века, и синдикализм. Но прежде чем эти источники стали источниками, потребовались причины, возбудившие к ним интерес.

Практически каждый автор, уделявший внимание причинам, не обязательно перечислял все, но, как правило, обязательно называл одну общую, по существу главную, а именно – нараставшее усиление роли государства, его вторжение в экономику и общественную жизнь на этапе бурного развития капитализма. Последовали реакции, тоже ставшие причинами – подъём организованного рабочего движения, рост числа различных групп, стремившихся отстаивать свои интересы, возникшее и набравшее силу в интеллектуальных кругах критическое отношение к существовавшим теориям государства и осознание необходимости противопоставить им нечто новое.

Мыслителей-плюралистов связывало неприятие абсолютистского государства и согласие о необходимости ограничить его претензии на роль всемогущего суверена. Их объединяло согласие в том, что размножавшиеся группы играют или должны играть важную роль в политическом процессе и в жизни общества, в связи с чем необходимо обеспечить их существование и деятельность надлежащими правовыми нормами. Таким образом, можно подчеркнуть главную особенность: отношение «группа – государство» по существу определило ведущую линию в развитии английского классического плюрализма. Мыслители-плюралисты придавали настолько серьёзное значение группам, что, как считают некоторые исследователи, английский плюрализм вообще возник как реакция против существовавших теорий, которые фактически игнорировали важную роль групп в политическом процессе и трактовали политику главным образом в связке «индивид – государство». Протест против этих теорий был вызван менявшимися условиями экономической и общественной жизни, в том числе (а для плюралистов – прежде всего) условиями, порождавшими многообразие факторов, имевших в своей основе по меньшей мере одну общую характеристику. Различные групповые образования существовали в государствах с давних времен, но плюралисты заметили, осознали и отдавали себе отчёт в том, что они живут, выражаясь словами того же Ласки, в век «по существу ассоциативный», т.е. в век активного размножения добровольных ассоциаций, экономических, профессиональных, религиозных, гражданских и других групп. Плюралисты стремились осмыслить потенции этого, во многом нового феномена и определить его значение и роль в жизни государства.

В обобщённом виде осмысление реализовалось в следующих утверждениях: между индивидом и государством должны находиться многочисленные и разнообразные по своим характеристикам группы, в которых проходит большая часть жизни людей; эти группы не только есть; они должны быть в здоровом государстве; их существование не зависит от того, признаны они государством или нет; группа – это нечто большее, чем простая сумма её составных частей, она обладает собственными особыми характеристиками, её действия не сводятся к действиям индивидуальных членов, и эти социологически установленные факты должен признать закон, если ему надлежит быть эф-

---

¹⁷ Лев XIII (1810–1903), папа римский с 1878 г., автор энциклики «Рерум Новарум» (1891 г.). Энциклика провозглашала извечность частной собственности, призывала к отказу от классовой борьбы и к созданию клерикальных рабочих организаций.

фективным и реалистическим инструментом социального контроля; группы составляют основной оплот сопротивления государственному абсолютизму.

Что касается собственно государства как предмета плюралистических теорий, то английские плюралисты считали, что, поскольку существующее государство в возрастающей степени выступало как инструмент господствующего класса, правившего в своих интересах, его нейтрализация становилась императивом. А поскольку государство в столь же возрастающей степени оказывалось, по мнению плюралистов, непредставительным и безответственным, его следовало фрагментировать, т.е. *плюрализировать*. Английские плюралисты лишили государство той тайны, которую постулировала идеалистическая теория государства. Они хотели иметь теорию, опирающуюся на наблюдаемые факты политической жизни, самым фундаментальным из которых была, по их утверждению, групповая природа политики. Такое определение сыграло свою роль в том, что государство объявлялось лишь одной из организаций – в числе прочих и без права превосходства. Требование, повторявшееся Мейтлендом, Фиггисом, Ласки и Коулом, отталкивалось от такой трактовки и состояло в том, что государство должно рассматриваться не как высшее сообщество, а просто как организация, по природе своей похожая на любую другую человеческую ассоциацию¹⁸. Это требование неодинаково выглядело в конкретных формулировках, но и в отличиях оно оставалось той общей стартовой точкой, отправляясь от которой плюралисты восстали против преваляровавших тогда фикций – особенно против фикции государственного суверенитета. Линия критики этой «фикции» была важнейшей, если не основной, в общей плюралистической критике государства – как реально существующего, так и представленного в конструкциях идеалистических теорий.

Плюралисты взялись разрушать теории, которые утверждали, что внутри каждого государства должно быть лицо, или группа лиц, являющихся сувереном. Конкретно огонь был сосредоточен на доктрине правового суверенитета, разработанной английским юристом, представителем школы юридического позитивизма Дж. Остином. Как раз он утверждал, что независимое политическое общество – это общество, где есть определённое лицо или группа лиц, которые обычно не подчиняются воле кого-либо другого, но которым обычно подчиняется масса населения. Это лицо или группа являются сувереном. Распоряжения, им издаваемые – суть законы, имеющие обязательную силу. Для плюралистов в их критике доктрины Остина главным было именно абсолютное право суверена издавать принудительные распоряжения. Отрицая неограниченность этого права, плюралисты, коротко говоря, отвергли идею суверенитета, ибо, по их мнению, нет внутри страны лица или группы, чьи распоряжения, каковы бы они ни были по содержанию, абсолютно обязательны для граждан.

Такова в общих очертаниях плюралистическая критика абсолютистского государства. Теперь познакомимся поближе с главным представителем английского плюрализма.

---

¹⁸ Maitland F. Introduction to: Gierke O. Political Theories of the Middle Age. Cambridge, 1900, p. XXV; Figgis J. Churches in the Modern State. 2nd ed. London, 1914, p. 49; Cole G. Self-Government in Industry. 2nd ed. London, 1972, p. 11; Laski H. Authority in the Modern State. New Heaven (Conn.), 1918, p. 27; idem. A Grammar of Politics. London, 1925, p. 37.

Гарольд Ласки – сложный в своих противоречиях плюралист, закончивший не тем, с чего начал. В его научной карьере выделяют «плюралистический период» – как самый плодотворный, в течение которого Ласки особенно активно стремился разработать последовательную теорию политики (одни исследователи считают, что это 1914–1920 гг., другие продлевают его до 1924 г.). В это время он написал более 20 объёмистых статей, подавляющее большинство из которых включены в три сборника: «Исследования проблемы суверенитета», «Власть в современном обществе» и «Основания суверенитета»¹⁹.

Все сборники снабжены авторскими предисловиями, в каждом из которых формулируется общая задача. О сборнике «Исследования проблемы суверенитета» Ласки пишет, что это первый том из серии исследований, в которых автор надеется обсудить различные аспекты теории государства; а побудительным стимулом служит вера в то, что в такой теории фундаментальной является проблема суверенитета²⁰. Второй том – это в известном смысле продолжение первого, но он охватывает более обширную сферу, поскольку его главная цель – показать, что проблема суверенитета является лишь особым случаем проблемы власти²¹. Наконец, статьи, опубликованные в третьем сборнике, «представляют собой часть попытки реконструировать политическую теорию в терминах институтов, более соответствующих нашим потребностям». Иначе говоря, это «часть предприятия, которое должно называться “плюралистическое государство” – в противовес монистическому суверенитету нынешней социальной организации»²².

Наконец, отметим ещё один, весьма важный для разворота дискуссии момент. Почти весь «плюралистический период» своей жизни и творчества (1915–1920 гг.) Ласки провёл в США, в Гарвардском университете, где преподавал европейскую историю и историю политической мысли. Именно в это время он написал большинство статей, составивших содержание трёх упомянутых сборников²³.

К сожалению, рамки настоящей статьи позволяют кратко отметить в общем виде лишь один из важнейших вопросов в богатом творческом наследии Ласки – как он мыслил себе плюралистическую теорию государства. Ласки в сущности сформулировал три положения, составившие основу его теории: 1) государство является лишь одной из ассоциаций в числе других и конкурирует с этими другими, когда нужно заручиться массовой поддержкой; 2) суверенитет – это способность обеспечивать согласие; 3) человек, как моральное существо, может судить о действиях государства и поддерживать те из них,

---

¹⁹ L a s k i H. *Studies in the Problem of Sovereignty*. New Heaven (Conn.), 1917; idem. *Authority in the Modern State*. New Heaven (Conn.), 1918; idem. *The Foundations of Sovereignty*. N.Y., 1921. Впоследствии эти сборники не раз переиздавались, причём первый выходил и под сокращённым названием «The Problem of Sovereignty».

²⁰ L a s k i H. *Studies in the Problem of Sovereignty*, p. VI.

²¹ Idem. *Authority in the Modern State*, p. VII.

²² Idem. *The Foundations of Sovereignty*, p. V.

²³ Ласки оставил Гарвардский университет и вернулся в Англию не по своей воле. Он позволил себе публично высказаться в поддержку забастовки бостонских полицейских, чем вызвал негативную реакцию со стороны студентов и вузовского начальства. Университет оказывал городу различные услуги, и его начальство заявило английскому плюралисту, что не дело профессора вступать в обсуждение политических вопросов.

которые кажутся ему правильными²⁴. Но удалось ли ему создать эту теорию? Десятилетия спустя, на закате того века, в начале которого Ласки пребывал в «плюралистическом периоде» своего творчества, американский исследователь Дж. Ганнелл писал: «Возможно, кто-то, включая самого Ласки, соблазнился бы заявить, что он (Ласки. – *Н.З.*) разработал плюралистическую теорию государства; однако фактически он не столько выдвинул альтернативную теорию государства, сколько попытался разрушить атрибуты государства в его традиционном понимании...»²⁵.

Действительно, плюралистическая теория государства не состоялась в законченном виде. По различным причинам, в числе которых и противоречия во взглядах Ласки, и эволюция этих взглядов после окончания «плюралистического периода» в его творчестве, создать цельную, непротиворечивую, правдоподобную теорию ему не удалось. И не случайно впоследствии, уже за пределами «плюралистического периода» своего творчества, он признал, что государство должно обладать высшей волей, отличной по качеству от воли любой другой ассоциации.

Стержень дискуссии: суверенное государство или суверенная группа

Постигшая Г. Ласки неудача в том, что касается его намерения сотворить плюралистическую теорию государства, не отрицает, однако, того факта, что своими сочинениями он подготовил хороший «взрывной» материал для возникновения дискуссии. В 1917 г. вышел в свет первый сборник Ласки «Проблема суверенитета», а в 1918 г. опубликовала свой труд Мэри Паркер Фоллетт. Назывался он «Новое государство. Групповая организация – решение проблемы народного правления»²⁶. Хронологически данный труд был первым из числа тех, которые определили стартовое содержание дискуссии.

Отношение М. Фоллетт к плюрализму творческое. Не отрицая его заслуг, она в то же время отмечает и анализирует серьезные, по её мнению, недостатки. «Сегодня плюрализм является самым существенным направлением политической мысли, – пишет она, – но в том, как он понимается в настоящее время, таится много опасностей». М. Фоллетт отдаёт должное Гарольду Ласки как поистине «явному политическому плюралисту». Она удостоивает сборник «Проблема суверенитета» очень высокой, если не сказать восторженной оценки и за то, что автор статей «доказывает нам, имплицитно, не только то, что сегодня мы нуждаемся в новом государстве, но что это новое государство должно обладать большой моральной силой»²⁷.

Что касается критики, то М. Фоллетт отмечает в плюралистической теории четыре недостатка: во-первых, некоторые плюралисты явно кладут в основу своих сочинений прагматическую философию, но всё же в силу их неспособности согласовывать разделительное и коллективное они не признают новей-

²⁴ Magid H. English Political Pluralism. N.Y., 1941, p. 49.

²⁵ Gunnell J. Op. cit., p. 27.

²⁶ Follett M. The New State. Group Organization – the Solution of Popular Government. N.Y., 1923.

²⁷ Ibid., pp. 10, 262.

шие учения прагматизма, поскольку прагматизм не заканчивается разделительным плюрализмом; во-вторых, это движение частично является реакцией на неправильно понятое гегельянство; в-третьих, многие плюралисты являются откровенными последователями средневековых доктрин; в-четвёртых, мышление плюралистов не базируется на научном исследовании группы, что ослабляет силу их теорий «объективных» прав и суверенитета²⁸.

Перечисленные недостатки М. Фоллетт считает таковыми на основании одной и той же особенно интересующей её проблемы, которая, как она полагает, в том или ином виде присутствует в каждом «недостатке». Это проблема отношений между коллективным и разделительным. Политические плюралисты, справедливо отмечает М. Фоллетт, считая, что коллективный и разделительный суверенитеты не могут существовать вместе, выбрасывают коллективный суверенитет за борт²⁹. Между тем, исходя из своей концепции объединяющего государства М. Фоллетт настаивает на совместимости двух суверенитетов.

Что же являет собой это объединяющее государство как концепция? Представление о нём может дать следующее утверждение: «Плюралисты говорят, что монистическое государство поглощает своих членов. Но идеальное объединённое государство не является всепоглощающим, оно всевключающее – а это совсем другое дело. Мы, индивид или группа, не должны быть поглощены целым, мы должны быть членами, составляющими это целое. Я везде говорю об идеальном объединённом (*unified*) государстве, которое я называю объединяющим (*unifying* – выделено автором. – *Н.З.*) государством». Тот факт, что М. Фоллетт использовала для характеристики своей концепции государства глагол «объединять» в форме герундия и при этом сочла нужным выделить присущее данной форме окончание, можно истолковать следующим образом: в её представлении идеальное объединённое государство – это не статичная структура, а государство, пребывающее в постоянном движении, в постоянном процессе объединяющей деятельности. Впрочем, М. Фоллетт и сама утверждает, что подлинное государство – «это процесс, реализующийся в постоянном самоизменении с целью выразить разные стадии развития, каждая из которых и все вместе должны быть столь гибкими, чтобы постоянное изменение формы шло в паре с постоянным развитием»³⁰.

Таким образом, можно кратко подытожить вышеизложенное: М. Фоллетт, безусловно, разделяет одни постулаты плюралистической школы, перетолковывает применительно к своей концепции другие, но круто расходится с плюралистами в главном – в трактовке государства. Для неё государство – не лишь одна из ассоциаций, как у Ласки, а структура, под объединяющей деятельностью которой в постоянном движении реализуется единство во множественности и множественность в единстве.

Далее речь пойдёт уже о непосредственных участниках дискуссии, причём сначала о тех, кто выступал оппонентами Ласки, т.е. критиковал те или иные постулаты плюрализма. Это Элен Дебора Эллис, политологи и философы Ф. Коукер, Г. Сэбин и У. Эллиот. Именно эта четвёрка в первую очередь про-

---

²⁸ Ibid., pp. 263–264.

²⁹ Ibid., p. 267.

³⁰ Ibid., pp. 311, 315.

ходит в литературе (в некоторых работах – даже в изложенной здесь последовательности) как группа наиболее заметных критиков. В таком же порядке и мы кратко познакомимся с их основными суждениями.

В статье, специально написанной с ориентацией на дискуссию, Э. Эллис для начала сочла нужным заявить, что в работах Г. Ласки представлена «самая полная доктрина плюрализма»³¹. А поскольку она противоречит монистической доктрине, то их, следовательно, можно сопоставить: для этого Э. Эллис прежде всего кратко характеризует монистическую доктрину, затем столь же сжато рассматривает плюрализм Ласки.

В плюралистической доктрине государства Э. Эллис видит и негативные, и позитивные моменты. Негативные она так или иначе усматривает в потенциях главного утверждения плюралистов, согласно которому государство является лишь одной из ассоциаций в числе других, и без права превосходства. К примеру, если государство, пишет Э. Эллис, не является всемогущим, а политическая лояльность – лишь одна из многих более-менее равноценных лояльностей, то, во-первых, при определённом стечении обстоятельств действие этого постулата может привести к чему-то похожему на хаос, если такие лояльности окажутся многочисленными и достаточно конфликтными; во-вторых, может сложиться тенденция «оставлять путь открытым к самой дезорганизованной и случайной политической организации», которая представляла бы угрозу порядку и свободе. «Однако, – отмечает Э. Эллис, – после всей этой критики ортодоксальная политическая наука всё же обязана признать некоторые большие и ценные вклады, каковые плюралистическая доктрина внесла и вносит в политическую мысль, особенно в нынешней тревожной ситуации; а также должна видеть в ней справедливый протест против некоторых неудачных разработок внутри самой ортодоксальной доктрины»³².

Какие же вклады увидела Э. Эллис? Прежде всего, она отмечает: плюралистическая доктрина своевременно подчеркнула то, что государство, при всём его легальном всемогуществе, в конечном счёте подвластно моральному закону. Тем самым заявлен протест против некоторых разработок доктрины суверенитета, особенно в немецкой философии, согласно которым государство является не только всемогущим, но и, так сказать, всесправедливым. И далее: в плюралистической доктрине можно усмотреть протест против статичных условий, в которые поставлена классическая теория суверенитета, особенно в разработке Остина – условий, непригодных в мире постоянных изменений. Однако, по мнению автора, в своём протесте доктрина заходит слишком далеко в противоположном направлении, и описание общества, которое она предлагает, могло бы быть точным только применительно к обществу, «пребывающему в очень сильной степени дезорганизации», в условиях каковой определённое количество групп фактически и активно борются за власть, а плюралист, видимо, не учитывает этого факта.

«Наконец, – делает вывод Э. Эллис, – плюралистическая доктрина своевременна в том смысле, что она привлекает внимание к нынешнему сбивающему с толку размножению групп в государстве, и к тому, что эти группы по-

³¹ Ellis E. The Pluralist State. – «The American Political Science Review», 1920, vol. 14, No. 3, p. 394.

³² Ibid., pp. 404–405, 406.

стоянно требуют всё большего признания в управляющей системе»³³. Как, однако, такое признание должно состояться – это, по мнению Э. Эллис, самый большой на тот момент вопрос, стоящий перед политической наукой. В заключение ко всему изложенному остаётся определить в общем виде позицию Э. Эллис. Её можно свести к следующему утверждению: при всех комплиментах в адрес плюрализма, в целом симпатии автора все же на стороне монистической доктрины государства.

Спустя год после выступления Э. Эллис копилку критики в адрес плюрализма пополнил Ф. Коукер. Этот автор высказал предположение, что новоявленные плюралисты «смастерили соломенное чучело», поскольку никакая из циркулировавших тогда идей (кроме синдикализма) не требовала отказа от существенных положений общепринятой теории государственного суверенитета³⁴.

Заметной особенностью статьи Коукера было то, что он, в отличие от других оппонентов Ласки, отталкивается от очень конкретных реалий тогдашней действительности – реалий, в которых так или иначе просматривались плюралистические характеристики. Доктрину плюрализма, писал Коукер, находят в недавних (на тот момент) практических движениях, искавших различные пути к более децентрализованным методам социального контроля. Существовали, например, планы по расширению полномочий и повышению ответственности ассоциаций государственных служащих; имелись проекты укрепления местных органов власти посредством усиления их административной автономии и расширения их функций; выдвигались предположения относительно целесообразности поощрения государством развития (под своим покровительством) частных систем совместного контроля над деятельностью промышленных предприятий³⁵.

Проанализировав подобного рода планы, проекты и предположения с точки зрения того, какие проблемы возникают или могут возникнуть в процессе их реализации, Коукер делает достаточно колючее для плюралиста обобщение: когда плюралист строит свою абстрактную теорию, он отрицает суверенную власть государства; но когда плюралист разрабатывает конкретные инструментальные планы, он ставит перед государством соответствующие задачи, для выполнения которых это самое государство должно постоянно использовать свои властные полномочия. Вероятно, резюмировал Коукер, один из дефектов плюралистического анализа скрыт в том, что плюралисты не сумели вразумительно объяснить, какие же конкретные функции из тех, которые монисты предназначают государству, должны быть у него отняты³⁶.

Таким образом, из знакомства с утверждениями Коукера можно в общем понять, что он имел в виду, говоря о «соломенном чучеле». Как пишет политолог Дж. Ганнелл, Ф. Коукер довольно точно почувствовал, что возраставшая по мере накала дискуссии дихотомия между монизмом и плюрализмом была в определённой степени искусственной, но не сумел чётко определить факторы, возбудившие эту полемику. Он продолжал следить за тем, как плюралисты

---

³³ Ibid., p.407.

³⁴ C o k e r F. The Technique of the Pluralist State. – «The American Political Science Review», 1921, vol. 15, No. 2, p. 211.

³⁵ Ibid., pp. 186–213.

³⁶ C o k e r F. Recent Political Thought. New York – London, 1934, pp. 515, 517.

жёстко критиковали идею государства и роль государственной власти в сохранении «либеральных ценностей», не подозревая, что как раз именно это и было поставлено на карту, т.е. проблема, обострявшая дискуссию, сводилась к вопросу о том, что является «вместилищем» либеральной демократии – государство или общество³⁷.

Подключившийся к полемике профессор философии Г. Сэбин своей оригинальной позицией, заявленной в первом же абзаце собственной статьи, заслуживает того, чтобы знакомство с его суждениями было начато именно с указанной позиции. Для этого придётся привести довольно длинную цитату. «По моему мнению, неудачно то, что термины “монизм” и “плюрализм” введены в дискуссию о политической теории, и вдвойне неудачно то, что они выдвинуты как соперничающие теории, между которыми мы, как предполагается, должны выбирать. Оба эти понятия по сути являются самыми общими, оба допускают много толкований, за обоими – столетия философских диспутов. И всё же, один очевидный урок из этих диспутов состоит в том, что и монизм, и плюрализм являются реалиями нашего мира, а посему ни одним из них пренебрегать нельзя. Усилия поставить их в оппозицию, изображать их несовместимыми и навязывать выбор между ними, несомненно, тратятся впустую. Истина состоит в том, что монизм и плюрализм – не отдельные теории; это точки зрения или методы нападок, и любая разумная политическая теория должна будет принять оба термина, и оба они должны будут интерпретироваться таким образом, чтобы их можно было соединить в одной теории»³⁸. Сэбин не собирался решать в статье столь гигантскую задачу, он лишь хотел по возможности точно охарактеризовать содержание формул «монистическая теория государства» и «плюралистическая теория государства» с целью прояснить различия, чтобы их (теории) можно было сравнивать. Поэтому Сэбин рассматривал основные положения и проблемные моменты юридической (монистической) теории государства, сталкивая их с соответствующими аспектами теории плюрализма. Поскольку результаты таких «столкновений» хорошо отражены в заключительной части, то представляется достаточным, не прибегая к конкретным иллюстрациям, просто изложить авторское резюме.

Фундаментальное различие между политическим монизмом и политическим плюрализмом состоит в том, утверждал Сэбин, что они рассматривают разные аспекты юридического и политического процессов. Основным принципом юридического монизма является концепция правовых обязательств, согласованных таким образом, чтобы юрисдикционные конфликты могли разрешаться применением самого права, и из которой, следовательно, устранена, насколько возможно, вероятность противоречащих друг другу обязательств. Понятно, что эта концепция – идеал для любой системы права, если она претендует на то, чтобы быть способной служить эффективному управлению. Но очевидно, что данная теория развивается в сфере достигнутых правовых норм. Она предполагает, что найдены выполнимые ограничения юрисдикции и что правовые отношения обобщены и упрощены в процессе практики.

---

³⁷ Gunnell J. Op. cit., p. 31.

³⁸ Sabine G. Pluralism: A Point of View. – «The American Political Science Review», 1923, vol. 17, No. 1, p. 34.

Что касается политического плюрализма, то Сэбин рассматривает другой аспект юридического процесса – его опытную, экспериментальную стадию, в которой вырабатываются выполнимые нормы права. Он настаивает на том, что политические отношения между функциональными частями государства по сути своей разнообразны, что за определённой чертой они не могут быть обобщены и упрощены, что всегда есть ситуации, в которых политические отношения больше, чем от власти, зависят от доброй воли и соглашений, вырабатываемых в процессе переговоров. Естественно, пишет Сэбин, оба эти аспекта права и управления в одинаковой степени жизненно важные, их нельзя противопоставлять друг другу, ими не должна пренебрегать любая разумная политическая теория. «В таком случае, – подводит итог автор, – я со своей стороны оставляю за собой право быть монистом, когда смогу, и плюралистом, если требуется»³⁹.

В заключение остаётся предположить, что Сэбин, заняв посредническую позицию, преследовал благородную в своём роде цель – как минимум сосредоточить дискуссию на позитивном обсуждении возможностей создания политической теории, в которой политический монизм и политический плюрализм сосуществовали бы в некоем диалектическом единстве. Однако его абстрактный и явно примирительный подход лишь слегка затушёвывал возмущавшее интеллектуальное размежевание участников дискуссии.

Пожалуй, наиболее весомый вклад в это размежевание внёс ведущий (как его потом назовут) критик плюрализма – профессор У. Эллиот. Действительно, если все предыдущие упомянутые нами авторы, сколь бы сильно ни критиковали они плюрализм, всё же отмечали в нём те или иные достоинства, то Эллиот в своей позиции строго однозначен: он резко критиковал плюрализм в любых его ипостасях, а в связи с ним – и прагматизм (в лице Джеймса и Дьюи).

В статьях и рецензиях, опубликованных в 1920-е годы (в конце десятилетия сведённых в монографию), Эллиот сосредоточил внимание на тех, кого считал прагматистами и противниками либерального государства. Главным «величайшим раздражителем», главной мишенью оставался Ласки, которого Эллиот неизменно воспринимал как основного архитектора современной на тот момент плюралистической теории, как «последователя» Джеймса и защитника экспериментализма Дьюи, чьи идеи инфицировали политическую практику и вдохновляли, по мнению Эллиота, разработку «групповой теории государства»⁴⁰. В исполнении таких толкователей, как Ласки, писал Эллиот, «плюрализм – это трансформация суверенного государства в суверенную группу»⁴¹.

И в практике, и в теории, утверждал Эллиот, «поднят мятеж против политического рационализма», проявляющийся в нападках на конституционное и демократическое государство. А философией, из которой выросла идеология этих нападок, является, опять же, прагматизм, особенно опасный своим всеобщим «скептическим отношением к абсолютным ценностям»⁴². В течение

---

³⁹ Ibid., pp. 49, 50.

⁴⁰ Elliott W. The Pragmatic Politics of Mr. H.J. Laski. – «The American Political Science Review», 1924, vol. 18, No. 2, p. 275.

⁴¹ Idem. Sovereign State or Sovereign Group? – «The American Political Science Review», 1925, vol. 19, No. 3, p. 524.

⁴² Idem. The Pragmatic Revolt in Politics. N.Y., 1928, p. VIII.

1920-х годов Эллиот без устали повторял, что постулаты прагматизма стимулировали возраставшее «отрицание либерализма, парламентаризма и всего демократического механизма представительного правления»⁴³. Плюрализм, по его мнению, стремится разрушить государство, он силой и насилием подрывает закон, публичные обсуждения, право голоса и другие характеристики либерального конституционного общества. Однако современная политическая наука, утверждал Эллиот, не сумела распознать эту опасность, она сама «инфицирована» прагматизмом и до такой степени сосредоточилась на описательных исследованиях, что «в Америке нет ни одного современного политического теоретика, которого можно было бы поставить в число перворазрядных»⁴⁴. Эллиот прямо связал эти тенденции, достигшие, по его убеждению, «угрожающих размеров», с философскими построениями Джеймса и Дьюи.

Что можно сказать по поводу столь яростной критики? Кратко отметим следующее: профессор Эллиот был если не самым первым, то в числе тех первых политологов, которые обратили пристальное внимание на тесную органическую связь прагматизма и групповых теорий политики, на прагматизм как теоретический источник политического плюрализма. А поскольку Эллиот преследовал цель отстоять государство как суверенное образование, не сводимое к ласкинской формуле «лишь одна из ассоциаций», и как предмет политической науки, то «разнос», устроенный им прагматизму (и, соответственно, плюрализму) вполне понятен.

После знакомства с Эллиотом можно уже отметить, что к середине 1920-х годов дискуссия стала жить собственной жизнью в том смысле, что Ласки оставался для неё не более чем символом. Кроме того, к этому моменту уже достаточно ясно обозначились позиции не только противников и критиков плюрализма, но и его сторонников. Соответственно, начиная с середины десятилетия одна группа политологов (уже знакомые нам Ф. Коукер, Г. Сэбин, У. Эллиот, Э. Эллис) оказалась среди тех, кто всё-таки продолжал исследовать значение ласкинской критики суверенитета, а политологи – сторонники плюрализма (вторая группа) взялись исследовать политическую и иную деятельность различных групп, которые, как утверждалось, самим своим существованием делали ненужным фундаментальное теоретизирование по поводу абстрактных проблем суверенитета. Иначе говоря, они всё больше стали обращать внимание на реальность групповых процессов в американской политике и с возрастающей уверенностью заявляли, что проблема суверенитета более не является настоящей, поскольку многочисленные суверенитеты и многочисленные доступы к власти уже встроены (как считал и сам Ласки) в структуру американской политической системы. Из числа этих политологов наиболее часто в литературе фигурируют Ч. Мерриам⁴⁵, С. Райс⁴⁶, П. Одегард⁴⁷ и П. Херринг⁴⁸. Познакомимся сначала с Мерриамом, не столько в силу того, что он назван

---

⁴³ Idem. Mussolini, Prophet of the Pragmatic Era in Politics. – «Political Science Quarterly», 1926, vol. 41. No. 2, p. 164.

⁴⁴ Idem. The Pragmatic Revolt in Politics, pp. 4–5.

⁴⁵ Merriam Ch. New Aspects of Politics. 3d ed. Chicago, 1970. (Впервые эта работа, по сути сборник статей, ранее публиковавшихся в журналах, увидела свет в 1925 г.)

⁴⁶ Rise S. Farmers and Workers in American Politics. N. Y., 1924.

⁴⁷ Odegar P. Pressure Politics: The Story of the Anti-Saloon League. N.Y., 1928.

⁴⁸ Herri ng E. Group Representation Before Congress. Baltimore, 1929.

первым, сколько потому, что его положение в этой четвёрке особое. Затем мы изложим необходимую конкретику из перечисленных сочинений остальных авторов и посмотрим, в чём состоит их вклад в развитие плюралистических концепций.

Начнём с того, что «Чарлз Мерриам является общепризнанным отцом бихевиорального движения в политической науке»⁴⁹. Он основал в Чикагском университете научную школу и там же реорганизовал руководимый им департамент в Центр разработки «новых аспектов» политики, под которыми понималось взаимодействие теории и эмпирических исследований⁵⁰. Таким образом, с именем Мерриама связано то, что в литературе шло под названием «новое изучение политики» или «новая наука политики». Мерриам считал, что политическая наука должна больше работать на практику, содействовать проведению реформ в экономической и социальной сферах, для чего реальную действительность нужно изучать такой, какая она есть на самом деле, во всей её конкретике, или, выражаясь его словами, «политическая наука должна опираться на исследования политического процесса, из которого вырастают политические институты, равно как и на описание их внешних признаков или их деятельности». Он также выразил уверенность в том, что «новая политическая наука будет шире, чем когда бы то ни было ранее, использовать статистику и психологию»⁵¹. Таким образом, отличительные особенности «новой науки политики» – бихевиоризм и эмпиризм в качестве методов исследования.

Соответственно, под влиянием Мерриама многие политологи всё более исходили из необходимости выстроить новую науку политики на базе скрупулезных эмпирических исследований политического поведения, в том числе и различных групп. Как утверждал один из авторов, тщательное исследование поведения заинтересованных групп создаст политическую науку, которая будет «реалистической, объективной и беспристрастной»⁵².

Наконец, надо отметить и то, что, продвигая новации в методологии политической науки, Мерриам никогда не бросал вызов парадигме государства. Подобно многим другим, он согласился с тем, что американское общество стало фрагментированным, в том числе сам обнаружил, что оно раздроблено деятельностью политических партий⁵³, но всё это не послужило для него поводом обесценить государство. «В работе Мерриама, – пишет политолог Дж. Ганнелл, – то, что можно было бы назвать плюрализмом, по возрастающей воспринималось как оценка социальной реальности, но едва ли это был нормативный тезис. Государство оставалось местоположением либеральной демократии и механизмом решения социальных проблем»⁵⁴. А поскольку внедрение плюрализма в политическую науку вызвало отклонение государства как предмета этой науки, что потребовало воссоздания её идентичности, то данной задаче Мерриам посвятил большую часть своей жизни.

⁴⁹ Karl B. Charles E. Merriam and the Study of Politics. Chicago and London, 1974, p. VIII.

⁵⁰ Merriam Ch. Political Power. New York – London, 1964, p. 7. (Впервые этот курс лекций был опубликован в 1934 г.)

⁵¹ Idem. New Aspects of Politics, pp. 217, 216.

⁵² White L. Introduction to: Wooddly C. The Chicago Primary of 1926: A Study in Election Methods. Chicago, 1926, p. 2.

⁵³ Merriam Ch. The American Party System. N. Y., 1922, p. 124.

⁵⁴ Gunnell J. Op. cit., p. 23.

Таким образом, можно в заключение сказать: Мерриам, признавая плюрализм реальностью, занимался главным образом решением спровоцированных этой реальностью проблем политической науки как таковой. В этом его принципиальное отличие от названных ранее вместе с ним Райса, Одегарда и Херринга, которые и проводили эмпирические исследования политического поведения заинтересованных групп.

Сочинение Райса «Фермеры и рабочие в американской политике», в котором прямо «по Мерриаму» есть и психология (бихевиоризм), и статистика, возможно, было по этим показателям первым в том смысле, что с него началось формирование конкретных эмпирических исследований в русле «новой науки политики». Фактура, непосредственно побудившая помощника профессора социологии предпринять данное мероприятие, суть следующая. Когда в начале августа 1923 г. со Среднего Запада США пришла информация о вероятности нового союза в американской политике – союза между фермерами и рабочими, газета «Нью-Йорк таймс» назвала подобную смычку «союзом смертельных противоположностей», «противоречием в терминах» и «абсурдом». Но, пишет Райс, в нескольких штатах фермерско-рабочее «движение» (кавычки автора. – *Н.З.*), видимо, всё же существовало, поэтому вероятность или невозможность фермерско-рабочего союза в американской политике является социологической и политической проблемой первостепенной важности. Соответственно, Райс поставил себе задачу «рассмотреть данную проблему беспристрастно и с использованием точных методов анализа». В сущности, заявил автор, это бихевиористское исследование. Оно базируется на публичных отчётах о политическом поведении, особенно на отчётах о результатах выборов и на регистрациях поименных голосований представителей фермеров и рабочих в федеральном Конгрессе и (главным образом) в законодательных собраниях штатов⁵⁵.

В первой главе под названием «Перегруппировка сил в американской политике» Райс представляет собственную теорию формирования групп. Поскольку именно она интересует нас прежде всего, то на ней мы и остановимся, исходя при этом из того, что коль скоро сочинение бихевиористское, то и теория неизбежно должна быть психологической – полностью или по преимуществу. Для начала автор формулирует исходное положение, суть которого предельно сжато выражена в первой же фразе: социальные группы никогда не бывают полностью, во всех отношениях, объединёнными. Каждая группа формируется вокруг некоего центра стимуляции, и только определённой части стимулов, которые «дразнят» каждого индивида. Никакая группа не может претендовать на выражение всех социальных интересов и побуждений любого из членов. Переменные стимулы постоянно сортируют людей, перегруппировывают их в соответствии с новым опытом или новыми склонностями и другими особенностями, которые, возможно, не осознавались до определённого момента, но которые побуждают людей реагировать одинаково, когда такой момент наступил⁵⁶.

---

⁵⁵ Rise S. Op. cit., p. 7.

⁵⁶ Ibid., p. 17.

В дальнейшем это исходное положение будет развёрнуто в авторскую теорию формирования групп, но прежде чем приступить к этой операции, Райсу потребовалась иллюстрация из реальной жизни. В Бруклине (одном из районов Нью-Йорка) потерпел катастрофу пассажирский поезд: 91 человек погиб, более 100 получили травмы. Большинство пассажиров были совершенно незнакомы друг с другом. Но выжившие постепенно осознали, что у них появился общий материальный интерес в предъявлении требований о возмещении причинённого вреда и в необходимости действовать сообща во имя предотвращения таких катастроф в названном районе. Соответственно, осознавшие этот интерес создали ассоциацию, достаточно сплочённую для того, чтобы её голос был услышан почти пять лет спустя, когда подобная катастрофа повторилась в том же месте.

Райс подчёркивает, что у членов названной ассоциации «одинаковое сознание», вероятно, будет проявляться только по отношению к вопросам определённой, ограниченной сферы. Вторая катастрофа обратила внимание на совместно приобретённый опыт, вызвала ту же реакцию и вынудила группу действовать. Но применительно к другим вопросам чувства и поведение членов этой ассоциации, вне сомнения, непохожи и даже противоположны. Отсюда следует, что данная ассоциация проявляет активность лишь тогда, когда её членам что-то напоминает их общую связь, формируя тем самым стимул к действию. В другие периоды группа пассивна, т.е. она скорее потенциальная, нежели действующая.

Райс не сомневается в том, что, хотя в основе приведённой иллюстрации лежит необычное, неординарное событие, описанные процессы формирования групп – обычное явление. Так появляются не только неполитические социальные образования, но и все политические блоки.

Каждая группа, подчёркивает автор, имеет некую общую точку схождения – будь то физическая или социальная характеристика, общий опыт или сходное состояние сознания применительно к какому-либо политическому вопросу. Пока стимулы привлекают внимание к этой общей характеристике, те, на кого она распространяется, будут составлять группу в действительности. Но когда эти стимулы изменяются так, что в центр «социального сознания» вводятся новые точки схождения, наступает перегруппировка членов группы. Прежние точки схождения всё ещё могут сохраняться, но прежние объединения, которым они дали начало, более не являются действующими, а только потенциальными. Непрерывная череда вопросов, которые раньше или позже воздействуют на политические блоки, проходит перед американской публикой. Сегодня они включают один набор вопросов, завтра – другой. Сходства и различия сегодня помнятся, завтра забываются. Потенциальные группы часто становятся действующими, а действующие столь же часто переходят в разряд потенциальных.

Такова в неполном, но достаточно подробном изложении авторская теория формирования групп. Далее Райс в двуедином процессе проверяет её конкретикой и применяет её положения в анализе этой конкретики, собранной по теме своего сочинения, т.е. рассматривает экономические интересы фермеров и промышленных рабочих, культурные и биологические факторы, расхождение позиций в Конгрессе США (в том числе политическое поведение членов Конгресса, блоки в Сенате и Палате представителей, фермерское и рабочее

законодательство), а также в legislatures штатов. А проанализировав всё перечисленное, Райс делает решительно однозначный вывод: «Данные, собранные в предыдущих главах, подтверждают теорию формирования групп, представленную во вступительной главе»⁵⁷.

Оценку всего изложенного временно отложим, а рассказ о работе следующего автора, третьего по счёту в нашей четвёрке, начнём с того что исследование П. Одегарда отличается от сочинения Райса прежде всего тем, что предмет его основного внимания – лишь одна заинтересованная группа – Лига борьбы с алкоголизмом (далее – Лига). По утверждению Одегарда, это одна из самых влиятельных в то время вашингтонских групп давления⁵⁸. Следует добавить, что Лига – религиозная организация протестантов, принимавшая активное политическое участие в сложной судьбе «сухого» закона, который на протяжении 1920-х годов представлял собой один из политически острых вопросов, вызывавших резкие внутривнутрипартийные, межпартийные и межгрупповые дискуссии⁵⁹. Посему, можно согласиться, Одегард выбрал весьма подходящий во всех отношениях объект для своего исследования. Он поставил себе задачу рассмотреть цели, формы и методы политической деятельности Лиги. Исходное обоснование звучит так: «Корпоративная (т.е. групповая. – *Н.З.*) деятельность является нормой сегодняшнего дня. В современном обществе индивид вне организации теряется, и его влияние ничтожно мало. Если он появляется в Вашингтоне или в Олбани (столица штата Нью-Йорк) как частное лицо с целью воздействовать на законодательство, его в лучшем случае просто выслушают. Если же он появится как представитель Торговой палаты США или Ку-клус-клана, то его воздействие окажется значительным. Представительное правление определяется неадекватно, если рассматривается только как простой отбор некоторого количества государственных служащих. Оно также включает представителей добровольных ассоциаций, которые консультируют, принуждают или обхаживают этих служащих»⁶⁰.

Что касается фактуры основного текста рассматриваемого сочинения, то она собрана, проанализирована и выстроена популярным в социологии методом «case study» (исследование случая). Это подробнейшая политическая биография Лиги борьбы с алкоголизмом в действии, в разрезе её организационной структуры, членства, методов деятельности, программ, законодательных интересов, финансирования выборов, пропагандистских и лоббистских кампаний, отношений с союзниками и противниками и многих других переменных. Наконец, это описательное эмпирическое исследование, не блестящее скольконибудь заметными теоретическими постулатами. А о том, какой вклад внесло это сочинение в разработку проблем политического плюрализма, речь пойдет ниже. Пока же обратимся к следующему автору.

---

⁵⁷ Ibid., p. 217.

⁵⁸ O d e g a r d P. Pressure Politics. The Story of Anti-Saloon League. N.Y., 1966, p. VII. (Репринтное издание, текстуально ничем не отличающееся от первой публикации, увидевшей свет в 1928 г.)

⁵⁹ Конгресс одобрил «сухой» закон в декабре 1917 г., приняв XVIII поправку к Конституции США, которая после ратификации необходимым числом штатов вступила в силу в январе 1920 г. Эта поправка была отменена XXI поправкой, вступившей в силу в 1934 году.

⁶⁰ O d e g a r d P. Op. cit., p. IX.

Монография П. Херринга «Представительство групп в Конгрессе»⁶¹, вышедшая в свет в 1929 г. – явление первоклассное в плане тематики анализируемой здесь дискуссии. Книгу высоко оценили некоторые именитые и не столь известные политологи. В частности, именитый Д. Трумен назвал её «прорывной», Э. Латэм – «пионерной» (в том смысле, что уже после её публикации последовало большинство сочинений о заинтересованных группах). Столь высокая оценка справедлива уже потому, что она посвящена не одной или нескольким конкретным заинтересованным группам. Это первая работа, в которой дана обобщающая (и впечатляющая) картина организованности групповых интересов в масштабах страны и на примере активной включённости в деятельность Конгресса показаны их место и роль в функционировании политической системы США. Впечатляющий рост числа предпринимательских, фермерских, профсоюзных, профессиональных, женских, религиозных, милитаристских, пацифистских, альтруистических и других организованных групп в течение нескольких последних десятилетий сам по себе мог бы стать темой монографического исследования. Но не менее впечатляла важнейшая особенность этого роста, а именно: многие организации либо переводили свои штаб-квартиры в Вашингтон, либо, в большинстве случаев, создавали там свои отделения (представительства).

Проанализировав столь явное стремление обосноваться в столице, поближе к федеральным органам государственной власти, Херринг ставит вопрос: что всё это значит? И делает один из основных в своей работе, если не главный по заключённому в нём содержанию, общий вывод: «Это значит, что система географического представительства, как она очерчена в Основном законе страны, дополнилась новой и спонтанной, но в то же время систематической формой представительства, базирующегося на различных интересах групп, объединяющих одинаково мыслящих людей. Это значит, что в правительстве получила развитие экстралегальная структура, столь же существенная и столь же влиятельная по своей природе, как и система партийного правительства, которая давно стала неотъемлемой частью системы правления, хотя она первоначально не была предусмотрена Конституцией»⁶². Замечательный вывод, выстроенный на обобщении большого фактического материала. Можно утверждать, что тем самым Херринг создал систематизированную базу для разработки теоретических вопросов – во всяком случае, базу для собственных дальнейших исследований.

И в заключение – к вопросу о теории. Сам Херринг заявлял, что его исследование «озабочено не обсуждением теории, а скорее описанием факта». На наш взгляд, работа в основном и в сущности действительно описательная, но имеются суждения и выводы, которые можно считать близкими к теоретическому уровню, либо которые содержат в себе потенции для теоретических разработок. В книге так или иначе просматриваются концепции и восприятия действительности, из которых впоследствии развился полновесный плюрализм. Херринг контурно очертил некоторые темы из тех, что более тщательно будут разрабатываться в современном американском плюрализме четверть

⁶¹ Herring E. Group Representation Before Congress. Baltimore, 1929.

⁶² Ibid., pp. 17–18.

века спустя. В частности, он обнаружил упадок политических партий, апатию современных ему избирателей, плюральность интересов, разделяющих на части жизнь гражданина.

Мы рассмотрели сочинения четырёх авторов, фамилии которых чаще всего мелькали в литературе в связи с дискуссией о политическом плюрализме. В этом отношении политологу Дж. Дикинсону повезло куда меньше, но он тоже выступил с новой концепцией политического процесса, причём его сочинение (статья), о котором далее пойдёт речь, и в самом деле сильно отличается по содержанию от рассмотренных нами ранее.

Следует начать с того, что ещё до изложения своей концепции Дикинсон уже имел «за плечами» некоторые полученные им результаты, приложимые к постулатам групповых теорий политики⁶³. Главный из них, повлекший за собой цепочку остальных: на базе анализа новейших исторических и антропологических исследований автор уверенно делает вывод, что «конфликт между интересами неизбежен» и что социальный порядок достигается не подавлением конфликта, а перестройкой человеческих отношений, вовлечённых в конфликт. Иными словами, на сцену выходит проблема согласования сталкивающихся интересов. Многие конфликты «разрешаются обычаем и добровольными соглашениями между группами». Многие, но не все. Значит, неизбежны ситуации, когда требуется вмешательство правительства в процесс согласования. «Правительство, – пишет по этому поводу Дикинсон, – стимулируется теми же силами, которыми оно управляет, и его функция заключается только в том, чтобы организовать их в более упорядоченную структуру – такую, которая провоцировала бы меньше трений и меньше крушений, чем они, возможно, допустили бы, не будучи организованными и скоординированными»⁶⁴.

Всё сказанное выше будет так или иначе присутствовать в авторской концепции, изложение которой Дикинсон начинает с анализа имевших место многолетних резких нападок на демократию со всех сторон и с различных позиций. Его вывод: «Вероятно, основной вклад в политический прогресс на протяжении лет, прошедших после войны (Первой мировой. – *Н.З.*) заключается в том, что действительно подчёркивалась необходимость переоценки того, что означает политическая демократия»⁶⁵. Далее Дикинсон как раз и предлагает свою переоценку, т.е. рассуждает и утверждает то, в чём, по его мнению, заключается суть оной демократии.

Самым сильным современным противником демократии, стоящим на пути её успехов и эффективности, пишет Дикинсон, является демократическая догма, как стереотип закостеневшая в умах рядовых граждан и практикующих политических лидеров. Созрела система демократической теологии, и «соблазн» воспринять её серьёзно и употребить буквально может «оказаться ответственным» за многие вещи, создающие демократии плохую репутацию⁶⁶.

---

⁶³ Dickinson J. Social Order and Political Authority. – «The American Political Science Review», 1929, vol. 23, No. 2, pp 293–329; No. 3, pp. 593–632.

⁶⁴ Ibid., No. 3, p. 619.

⁶⁵ Dickinson J. Democratic Realities and Democratic Dogma. – «The American Political Science Review», 1930, vol. 24, No. 3, p. 287.

⁶⁶ Ibid., p. 288.

Первый и наиболее ярко выраженный догмат этой теологии утверждает, по мнению Дикинсона, что в условиях демократии «правит народ», а краеугольным камнем данной доктрины является допущение, что в каждом политическом обществе существует «воля народа», которая проявляет себя на выборах. Хотя понятно, что применительно ко многим вопросам управления «народ» не может влиять на их решение прямо и непосредственно, однако, используя механизм выборов, он избирает должностных лиц, вменив им в обязанность действовать вместо него и от его имени. Соответственно, через этот процесс осуществляется и поддерживается прямой и непосредственный контроль над правительством. Отсюда выводится и цель демократии – следить за тем, чтобы «воля народа» воплощалась в решениях правительства и чтобы его деятельность ничем другим больше не определялась. Одна из основных причин критики правительственных институтов, продолжал Дикинсон, состоит в том, что они не достигают этой цели, и вместо того, чтобы руководствоваться единственно «волей народа», допускают в свои полномочия волю малых групп или особых интересов. Лечение этой болезни демократии критики видят в том, что должно быть больше демократии – в смысле увеличения числа каналов, по которым электорат мог бы эффективно «воплощать свою волю в деятельность правительства»⁶⁷.

Такова в кратком пересказе система демократической теологии, как её называл Дикинсон. Но в попытках реализации её постулатов он обнаружил парадокс: чем больше направляется усилий на выявление и осуществление воли народа, тем больше власти переходит в руки особых групповых интересов. Этот совсем не демократический парадокс подвёл автора к заключению, что в конечном счёте большинство членов любого политического общества не имеют мнения и, соответственно, воли применительно почти ко всем вопросам, которые решает правительство: «Единственным реально существующим мнением и единственной реально существующей волей является мнение и воля особых групп»⁶⁸.

Казалось бы, ясно, анализирует далее Дикинсон, что безотносительно к тому, насколько абсолютной является власть правительства, оно не может сделать общество развивающимся в направлениях, применительно к которым у него нет воли для поддержки такого развития. Рано или поздно правительство опускается до уровня тех, кем оно управляет. В долгосрочной перспективе правительство обречено стать в большей степени отражением баланса существующих в обществе интересов, нежели органом, способным сделать общество отражением независимой воли и целей его правителей. Но баланс интересов – сложная и капризная конструкция, и, очевидно, имея в виду проблемы, возникающие при её строительстве, Дикинсон счёл нужным внести предложения, способные сделать этот процесс более эффективным, а конструкцию – более надёжной. С одной стороны, по его мнению, влияние, которое различные интересы оказывают на правительство, «должно быть преобразовано в упорядоченные процессы демократии», а не проявлять себя беспорядочно и спорадически методами абсолютизма»⁶⁹. С другой стороны, «членам правительства

---

⁶⁷ Ibid., pp. 288–290.

⁶⁸ Ibid., p. 291.

⁶⁹ Ibid., p. 304.

должна быть гарантирована определённая независимость, определённая свобода подниматься над особыми интересами и вносить свой собственный позитивный вклад в их согласование»⁷⁰.

Теперь остаётся изложить то, что для наших целей может считаться общим выводом. «Задача правительства и, соответственно, демократии как формы правления, состоит не в том, чтобы отражать воображаемую волю народа, – утверждал Дикинсон, – а в согласовании разнообразных особых волей и целей, которые в любой данный момент требуют реализации». И далее собственное истолкование того, каким автор видит подобное согласование: «Правительство... является прежде всего арбитром. А поскольку результат практически каждого арбитража должен выражаться в предоставлении одной стороне больше того, на что она претендует, по сравнению с тем, что другая сторона готова допустить, то каждое правительственное решение может рассматриваться как в определённой степени благоприятствующее той или иной особой частной воле либо особому интересу. Поэтому бессмысленно критиковать правительство... только за то, что оно позволяет “нужной” стороне, “нужному” особому интересу побеждать. А под “нужным” особым интересом подразумевается лишь тот интерес, воля которого наиболее совместима с нашим представлением (когда мы выступаем в роли критиков) о том, каким должно быть нужное направление, которое следует взять для развития общества»⁷¹.

Прежде чем подвести какой-то собственный итог, приведём некоторые оценки сочинений представленных выше авторов американскими специалистами.

На основании того, сколь пристально и всесторонне С. Райс сосредоточил своё внимание на анализе психологических особенностей участия групповых интересов в законодательном процессе, Д. Гарсон определил это его исследование как «самое теоретически сложное»⁷². А Дж. Ганнелл пришёл к выводу, что «во второй половине 1920-х годов в работе таких авторов, как П. Одегард и П. Херринг плюрализм отчётливо реализовал себя как эмпирическое описательное основание американской политики...»⁷³. Следующее утверждение сводится к тому, что сочинение Херринга «оказалось особенно влиятельным фактором в развитии групповой теории и определении места групп давления в американской политической системе»⁷⁴. По свидетельству ещё одного современного исследователя, та же работа Херринга была общепризнанна как первое в политической науке крупное исследование реально действующего механизма групповой политики⁷⁵. Наконец, уже цитировавшийся Гарсон считает, что из авторов, сформулировавших к концу 1920-х годов новую концепцию политического процесса, Дж. Дикинсон был «самым утончённым»⁷⁶.

Теперь, отталкиваясь от всего изложенного, можно подвести (применительно к текстам анализируемых сочинений) общий итог. Во-первых, в прин-

---

⁷⁰ Ibid., p. 395.

⁷¹ Ibid., p. 292.

⁷² G a r s o n D. Group Theories of Politics. Beverly Hills (Cal.), 1989, p. 37.

⁷³ G u n n e l l J. Op. cit., p. 40.

⁷⁴ B a r b o o k A., B o l t Ch. Power and Protest in American Life. N.Y., 1980, p. 5.

⁷⁵ B o u r k e P. The Pluralist Reading of James Madison's Tenth Federalist. In: Perspective in American History. Ed. by D. Fleming and B. Bailyn. Cambridge (Mass.), 1975, vol. IX, p. 288.

⁷⁶ G a r s o n D. Op. cit., p. 56.

ципиальном смысле главным является то, что во всех названных сочинениях роль исходной категории прочно заняла группа, вытеснив с этой «должности» государство. Во-вторых, плюрализм в этих сочинениях проявляется в двух ипостасях – и как принцип исследовательской деятельности, как метод эмпирического описания объектов политической действительности, и как вариант групповой теории политики. Преимущественно как метод плюрализм воплощён, главным образом, в работе Одегарда, а в остальных сочинениях – в тех или иных сочетаниях обеих ипостасей.

Однако было бы, по нашему мнению, большим преувеличением утверждать, что уже в 1920-е годы родилась достаточно хорошо отработанная, сколько-нибудь цельная групповая теория политики – тем более в исполнении какого-либо одного автора. Но в коллективном, так сказать, творчестве тогдашних политологов-плюралистов элементы, фрагменты, наброски такой теории, безусловно, имели место быть. Вот лишь некоторые, изготовленные в исследованиях 1920-х годов строительные элементы и блоки будущих групповых (плюралистических) теорий политики: психологическая теория формирования групп, перспективная (как показало время) идея потенциальной группы (С. Райс), представительное правление как правление, включающее не только государственных деятелей и служащих, но и представителей добровольных ассоциаций (П. Одеград), система функционального представительства групповых интересов в политическом процессе как могучая органическая часть организационной структуры политического плюрализма (П. Херринг), конфликт как неизбежный фактор межгрупповых отношений, согласование интересов как метод разрешения таких конфликтов, правительство как арбитр в процессе одного разрешения (Дж. Дикинсон).

Вместе с тем «изобретённый» именно тогда плюрализм современные исследователи определили как теорию либеральной демократии. Правда, синонимически употреблявшиеся понятия «плюралистическая теория демократии» и «эмпирическая теория демократии» появились в словаре американской политической науки гораздо позже, но своими корнями они уходят в ту же дискуссию 1920-х годов. И ещё один принципиально важный вывод: концепция плюрализма стала связующим звеном между европейской политической теорией и американской политической наукой первых десятилетий XX века. А в целом полемика по вопросу о суверенитете и плюрализме вошла органической частью в комплекс проблем, определивших ту интеллектуальную атмосферу, в которой начинала развиваться политическая наука XX столетия.